

— ДЖОН ЗАПРЕТНЫЙ —

ТЁМНАЯ
ЛЮБОВЬ

— ПОЕЗД УШЕЛ —

18+

Джон Запретный

Тёмная любовь. Поезд ушёл

«Автор»

2026

Запретный Д.

Тёмная любовь. Поезд ушёл / Д. Запретный — «Автор», 2026

Настя вышла замуж за Матвея, когда ей было двадцать два. Он — кадровый военный, красивый, уверенный, с руками, которые умеют держать оружие и обнимать так, что мир перестаёт существовать. Первые годы были похожи на сон: квартира, планы, его форма на спинке стула, запах одеколона на подушке. Она думала — это навсегда. Ссоры становились громче. Посуда билась о стены. Он уходил, пропадал на недели, возвращался с цветами и виноватыми глазами. Она прощала. Каждый раз прощала, потому что помнила, каким он был раньше. Потом были запреты. Не надевай это платье. Не красься так. Кто тебя подвёз? Почему улыбалась? Его кулак познакомился с лицом её коллеги, а потом и с её скулой. Переписки, которые она нашла, стали последней каплей — но он перевернул всё так, что виноватой оказалась она. Это история о том, как любовь становится клеткой. О том, как страсть и страх сплетаются в одно. О том, что поезд иногда уходит — и ты остаёшься на пустом перроне, не понимая, как здесь оказалась.

© Запретный Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Запах чужих духов	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Джон Запретный

Тёмная любовь. Поезд ушёл

Запах чужих духов

Часы на кухне показывали 2:47. Настя сидела на табуретке, поджав под себя одну ногу, и смотрела на кастрюлю с борщом. Плита давно остыла, но запах ещё держался в воздухе — свекла, капуста, лавровый лист, чуть-чуть чеснока. Она варила его утром, потому что Матвей любил, когда борщ настаивается. Говорил, что на второй день он вкуснее. Она запомнила это ещё в первый год их брака, когда он впервые попробовал её стряпню и сказал: «Ну, Настюш, это ты в меня влюбила окончательно». Тогда она засмеялась и запустила в него полотенцем. Сейчас она просто смотрела на кастрюлю и думала, что если он не придёт до четырёх, она всё выльет. Или нет. Не выльет. Она никогда ничего не выливала.

Квартира была убрана до блеска. Она мыла полы днём, потом ещё раз протёрла пыль на полке с его наградами, потом перестилала постель, хотя утром уже стелила. Просто руки требовали дела. Она надела его рубашку — серую, армейскую, с длинными рукавами, которые свисали до середины пальцев. Рубашка пахла им. Не духами, не потом, а именно им — тем запахом кожи, который она чувствовала, когда утыкалась носом в его шею. Она поднесла рукав к лицу и вдохнула. Тёплый, родной, немного пыльный от стирки, но всё равно его. Она улыбнулась уголками губ и тут же одёрнула себя. Что она, девчонка, чтобы нюхать рубашки, как в дурацких романах? Но не сняла. Так и сидела.

Свет она оставила только в коридоре. Жёлтая полоса от лампы падала на пол, разрезая прихожую пополам. Настя любила эту полосу. Она напоминала ей, что дом ещё жив, что кто-то скоро войдёт и скажет: «Ну что, не спишь?» Она всегда не спала. Даже когда он возвращался в полночь, даже когда в два, даже когда в пять утра. Она ждала. Это было не жертвой, не подвигом. Просто она не могла уснуть, пока его не было. Тело не расслаблялось. Что-то внутри держало её натянутой, как струну, и отпускало только тогда, когда она слышала звук ключа в замке.

Ключ повернулся в 3:12.

Настя вздрогнула, хотя ждала этого. Она всегда вздрагивала. Глупо, но ничего не могла с собой поделать. Дверь открылась тихо, он всегда открывал её тихо, будто боялся разбудить. Хотя знал, что она не спит. Он знал это наверняка, потому что однажды сказал: «Ты как часовой, Настя. Всегда на посту». Она тогда обиделась, а потом поняла, что это правда. И смирилась.

Матвей вошёл, снял фуражку, повесил её на крючок. Форма сидела на нём так, как должна сидеть форма на мужчине, который носит её не первый год. Плечи широкие, спина прямая, даже когда устал. Он умел уставать красиво. Она смотрела на него из кухни и чувствовала, как всегда, этот толчок в груди. Не любовь даже, а что-то глубже. Привычка, привязанность, страх потерять. Всё сразу.

Он прошёл в кухню, наклонился, поцеловал её в макушку. Губы сухие, тёплые. От него пахло улицей, сигаретами, потом. И ещё чем-то. Она не сразу поняла. Он выпрямился, посмотрел на кастрюлю.

— Борщ?

— Ага.

— Ты чудо.

Он сказал это не глядя на неё, уже поворачиваясь к ванной. Настя кивнула, хотя он не видел. Она хотела спросить, как прошла смена, но не стала. Он не любил, когда она спраши-

вала. Говорил: «Ты не поймёшь, это служба». Она и не настаивала. Просто ждала, пока он выйдет из душа, и они лягут спать.

Она встала, подошла к нему, чтобы помочь снять китель. Он позволил. Он всегда позволял. Она расстегнула пуговицы, потянула ткань с плеч. И тут почувствовала.

Запах.

Сладкий, цветочный. Не его. Не её. Что-то чужое, липкое, приставшее к ткани. Она замерла на секунду, держа китель в руках. Внутри всё сжалось, как кулак. Она хотела вдохнуть ещё раз, убедиться, но боялась. Боялась, что не показалось. Боялась, что показалось. Она стояла с этим кителем, и в голове пронеслась тысяча мыслей, но ни одна не оформилась в слова.

— Ты чего? — спросил он, уже стягивая рубашку.

— Ничего. Устала.

Она повесила китель на плечики, как делала всегда. Руки двигались сами. Она слышала, как он зашёл в ванную, как включилась вода. И только тогда выдохнула. Медленно, до конца. И вдохнула снова. В воздухе ещё висел этот запах. Или ей казалось. Она не могла понять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.